

]

Янь Хан взял продукты и вошел на кухню. Только он привычно разложил всё по местам, как следом за ним зашел Чу И.

— Тут всё просто, не нужно мне помогать, — сказал Янь Хан.

— М-м, — Чу И присел на корточки и потерял камешек на своей лодыжке. — Я хочу его просверлить. Сделать дырочку.

— Понятно, — отозвался Янь Хан.

Чу И достал из кармана маленькие ножницы, разрезал затянутый намертво узелок на красной нитке и снял камень.

Янь Хану вдруг стало не по себе. На самом деле «выстраивание отношений» — штука странная. Пока их нет, человек тревожится, будто почва уходит из-под ног, но когда они появляются, становится ничуть не спокойнее. Страшно потерять, страшно, что связь оборвется.

Чу И сидел на диване рядом с Папой, склонив голову и сосредоточенно сверля черный камень. У Папы на руке уже красовался камень с красной нитью, и он с живым интересом наблюдал за стараниями Чу И. Инструмент у парня выглядел довольно профессионально: он закрепил камень на черной подставке и, вращая ручной бур, медленно высверливал крошечное отверстие.

— Ты сверлишь крест-накрест, — заметил Папа. — А как ты убеждаешься, что дырочки будут параллельными?

— Я отмерил, — Чу И продолжал крутить бур.

— Чем отмерил? — спросил Папа. — Я не видел, чтобы ты что-то измерял.

— Своими большими... глазами, — Чу И ткнул пальцем в свои глаза.

— Дурында, — рассмеялся Папа.

Янь Хан вынес готовые сэндвичи и поставил их на журнальный столик:

— Сначала поешьте. Ты прибежал так рано, что-то случилось?

— Собираюсь на рынок, куплю своей бабушке... бабуле таз для ног, — увидев сэндвич, Чу И тут же отложил инструмент и потянулся к еде. — Красивый какой.

— Эй, — Янь Хан быстро щелкнул его по тыльной стороне ладони. — Руки вымой.

— Ой, — Чу И рассмеялся, потер руку и пошел на кухню мыться.

Закончив со вторым завтраком, Чу И с энтузиазмом взялся за дело, быстро доделал дырочку в черном камне и снова продел две красные нити. Янь Хан привязал камень обратно к лодыжке, и прежнее беспокойство немного улеглось. Помедлив, он спросил:

— А та нитка где?

— Отрезали, — Чу И посмотрел на его лодыжку.

— Отдай мне, я хочу... оставить её, — Янь Хан произнес это и вдруг смутился, чувствуя себя какой-то жеманной девчонкой.

Папа даже покосился в его сторону. Чу И отдал ему обрывок красной нити. Сначала Янь Хан хотел унести её в комнату и спрятать, но, почувствовав неловкость, решил просто положить на телевизор.

— Я в обед при... приду, ладно? — спросил Чу И, собираясь уходить.

— Хорошо, как раз пообедаешь с нами, Янь Хан в обед не вернется, — ответил Папа.

— Я принесу еды, — добавил Чу И уже у самой двери.

Не дожидаясь ответа, он быстро выбежал.

— И на какие деньги он собирается что-то купить? — Папа посмотрел на Янь Хана.

— Смотря что покупать, — улыбнулся Янь Хан. — Пусть приносит. Иначе, если не дать ему потратить хоть немного денег, он сдержится, а потом будет каждый день вытачивать для вас именные камни.

Папа посмеялся и откинулся на спинку дивана:

— Я после обеда отлучусь ненадолго...

Янь Хан как раз собирался отнести тарелки на кухню, но при этих словах резко замер и обернулся.

— Просто прогуляюсь. Я к тому, что тебе не нужно сегодня покупать продукты, я сам принесу, когда вернусь, — сказал Папа.

— Угу, — ответил Янь Хан и ушел на кухню.

Это был первый раз, когда Папа предупредил его перед уходом и даже сказал, когда вернется. Однако Янь Хан не почувствовал облегчения от этой определенности — наоборот, его охватила тревога. Он уперся руками в столешницу и опустил голову, долго не в силах прийти в себя.

Он достал из кармана сигарету, и, когда потянулся за зажигалкой, Папа внезапно протянул руку и щелкнул своей. Янь Хан прикурил, затянулся и, глядя в сторону, спросил:

— Когда мы уходим?

Папа посмотрел на него, помолчал, а потом улыбнулся:

— В этот раз решай ты.

Янь Хан промолчал, с сигаретой в зубах глядя в окно.

На работу сегодня он прибежал бегом, чтобы сбросить напряжение, иначе был риск, что он изобьет какого-нибудь слишком болтливого клиента. В выходные народу было особенно много, едва он успел переодеться, как зал наполнился, и до самого обеда не было ни минуты покоя. Когда по-настоящему загружен работой, эмоции отступают на второй план. Правда, во время обеденного перерыва аппетита не было, он выпил стакан молока и сидел, слушая, как коллеги болтают за едой.

Телефон вибрировал — пришло сообщение от Чу И.

Он открыл его. Это была фотография: Чу И стоял перед боксерской грушей, с серьезным видом приняв боевую стойку. Янь Хан невольно улыбнулся.

— И куда Папа тебя потащил беситься?

— В боксерский зал!

Янь Хан словно физически почувствовал, как восторг Чу И выплескивается из этого восклицательного знака. Папа то и дело наведывался в боксерский зал, а если поблизости такого не было, шел в тренажерный, и каждый раз возвращался оттуда совершенно вымотанным. Раньше Янь Хан думал, что Папе просто нравится тренироваться, но теперь, поразмыслив, понимал: всю ту подавленную боль, которую носил в себе отец, можно было выплеснуть только при таких интенсивных нагрузках.

— Научил чему-нибудь серьезному? — ответил Янь Хан.

— Учит бить, и еще учил, как блокировать удары, — скоро обещал научить работать ногами. — Дядя Янь такой крутой!

Чу И отправил сообщения одно за другим, не останавливаясь. В переписке он был куда красноречивее, чем в разговоре.

— Ну, тренируйся как следует, вечером покажешь мастер-класс, — улыбнувшись, Янь Хан отправил голосовое сообщение.

— Я боюсь тебя покалечить.

Янь Хан посмотрел на это сообщение и долго смеялся, глядя в экран:

— В хвастовстве ты куда увереннее, чем в речи. Если сможешь попасть по мне хотя бы раз — считай, я проиграл.

Чу И не стал отвечать словами, а просто прислал смайлик.

— [Силач]

Янь Хан отправил ответный смайлик.

— [Аплодисменты]

После обеда коллега попросил подменить его, и Янь Хан согласился, уйдя с работы пораньше. На самом деле для него не было особой разницы — работать или отдыхать, вчера, сегодня, завтра или какой-то другой день.

Дома никого не было. Он немного посидел на диване в задумчивости, затем достал с телевизора красную ниточку, унес в свою комнату и спрятал в потайной карман чемодана. Там лежали и другие вещи: половинка порванного браслета, листок бумаги, исчерченный кружочками и крестиками, где они с Папой играли в «пять в ряд».

Полежав на кровати и полистав телефон, он написал Чу И, чтобы узнать адрес зала. Тот почти сразу прислал геолокацию. Янь Хан еще не успел её толком рассмотреть, как Чу И позвонил:

— Ты закончил смену?

— Поменялся с коллегой, — ответил Янь Хан. — Еду к вам.

— Поедешь на ав-автобусе... — голос Чу И звучал прерывисто, видимо, был в самом разгаре тренировки.

— На такси, — сказал Янь Хан. — Тренируйся усиленно, как приеду, тебе конец.

Чу И рассмеялся:

— Пощади, богатырь.

— Удивительно, когда просишь о пощаде, ты совсем не заикаешься? — Янь Хан вышел из дома.

— Боялся, что если за-заикнусь, не успею договорить, как меня уложат на лопатки, — ответил Чу И.

Сидя в такси, Янь Хан вытянул ноги на сиденье и всё время постукивал пальцами по камешку на лодыжке. Ему действительно нравился Чу И. Это никак не зависело от того, были ли у него раньше «друзья» или нет — просто Чу И был интересен, и часто, когда они общались, Янь Хан ловил себя на том, что его настроение незаметно улучшается.

Но после того, как вчера он увидел, как менялось лицо отца Чу И, всякий раз, вспоминая о парне или глядя на него, он чувствовал тревогу. Она накрывала вместе с сердцебиением, вспыхивая в тот самый момент, когда сердце прогоняло по телу очередную порцию крови.

— Слушай, шеф, — обратился Янь Хан к водителю. — Не возражаешь, если я закурю?

— Кури, без проблем, — ответил тот. — Только окно приоткрой.

— Спасибо.

В последние дни Янь Хан курил особенно много. Раньше Папа бы за это обязательно отчитал. Он тихо вздохнул, глядя на проплывающие мимо улицы, которые всё ещё казались ему чужими.

Когда он приехал в зал, Чу И как раз со всей силы отрабатывал удар по груше. Он был настолько сосредоточен, что не заметил, как Янь Хан подошел вплотную. В тот момент, когда Чу И поднял ногу для удара, Янь Хан резко шагнул вперед, правой рукой толкнул его под колено, а левой подхватил за подбородок и дернул назад. Чу И тут же взмыл в воздух и рухнул на мат.

Не успел он подняться, как Янь Хан уже присел рядом и ткнул его пальцем в лоб:

— Паф.